

временную протяженность и завершился приблизительно к началу IX столетия. На этом этапе сформировалась часть региональной гидронимии, используемой преимущественно для называния более крупных водных объектов.

Второй этап охватывает период конца первого – начала второго тысячелетия и может быть отмечен как время постепенного формирования ойконимной системы с преобладанием названий неотантропонимного происхождения.

1. Жучкевич, В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В.А. Жучкевич. – Минск: Изд-во «БГУ им. В.И. Ленина», 1974.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ «КНИГИ ПЕСЕН»

А.А. Гладкова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

На протяжении тысячелетий китайская поэзия выработала свой особый стиль, в основе которого лежит сочетание отточенной формы, ясности языка и тонкого лиризма. Активизация научного и культурного взаимодействия Беларуси и Китая привлекает особое внимание к китайской литературе, запечатлевшей особенности мировидения китайской нации. *Актуальность* темы заключается в исследовании художественной поэтики одного из ключевых достижений китайской поэзии – «Книги песен».

Цель работы – определить основные поэтические образы «Книги песен» на основе избранной лирики сборника.

Материал и методы. Материалом для исследования послужила избранная лирика «Книги песен». Методы исследования: культурно-исторический и сравнительно-сопоставительный.

Результаты и их обсуждение. «Книга песен» («Ши цзин»), которая отразила древнюю культуру народа, его устремления и мирозерцание, особо почитаема в китайской литературе. По своей значимости она может быть поставлена в один ряд с «Илиадой» и «Одиссеей», «Махабхаратой» и «Словом о полку Игореве».

«Шицзин» включает триста пять поэтических текстов, которые объединены в четыре раздела: «Го фын» («Нравы царств»), «Сяо я» («Малые оды»), «Да я» («Великие оды»), «Сун» («Гимны»). Первая часть «Книги песен» включает сто шестьдесят стихотворений пятнадцати царств древнего Китая (лирика периода Чжоу). Не вызывает сомнений влияние народного творчества на произведения указанного раздела. Отметим глубокую связь с жизнью, реальностью, социальную заострённость произведений этой части «Ши цзин».

Как отметил Н.Федоренко, «китайской поэзии свойственен свой особый строй художественных образов, свои поэтические и выразительные средства. Художественные образы китайский поэт заимствовал прежде всего у природы, антропоморфизм в китайской поэзии – явление сравнительно редкое. Часто жизнь человека изображалась китайскими поэтами через жизнь природы, а не наоборот, как мы это видим в поэзии европейской» [1, 13].

Анализ избранной лирики первой части «Книги песен» позволил выделить ряд сквозных поэтических образов, к которым относятся, в первую очередь, образы птиц. Например, в песне «Встреча невесты» представлены утка и селезень, которые в китайском фольклоре являются символом супружеской любви и верности: «*Селезень с уткой слетелись на остров речной...*» [1, 75]. Сорока и голубка упоминаются в песне «Выезд невесты», где образ голубки соотносится с молодой женщиной, вступающей в брачный союз. В стихотворениях раздела встречаются иволга и петух, фазан, сова, при этом фазан выступает в роли простодушной птицы, которую легко поймать в силки, а сова «*грозит бедою у врат могильных*» [1, 111]. В песне «Ходят они на приёмы...» наблюдается любопытная параллель образа ленивого пеликана, который не хочет замочить крылья, гонясь за рыбой, с бесполезными для государственного служения людьми. Идущие в далёкий поход сравниваются с гусями и журавлями: «*То гуси летят, то летят журавли / И свищут и свищут крыльями вдали... / То люди далёким походом идут / И тяжёк, и труден в пустыне поход...*» [1, 127]. Тоскливый клич этих птиц тревогой отзывается в сердце тружеников. Как и в славянском фольклоре, в китайской поэзии ворон олицетворяет недоброе предзнаменование: «*Я вижу: ворон вниз летит; / На чью же кровлю сядет он?*» [1, 129].

Чаще, чем образы птиц, в китайских песнях из книги «Нравы царств» встречаются образы растительного мира. Восприятие окружающей действительности как живой, полной красок и благоуханий традиционно отличает восточное мирозерцание. Так, в стихотворениях встречаются образы «прекрасного и нежного» персика, который ассоциируется с молодой женой, упоминаются «травы разлуки» папоротник, китайский финик жужуба, горький молочай и пастушья трава. В стихотворении «Песнь оставленной жены» сказано: *«Горьким растёт, говорят, молочай, – / Стал он мне слаще пастушьей травы!»* [1, 83]. Известно, что пастушья трава имеет сладковатый вкус. Смысл выражения в том, что горечь молочая в сравнении с горем покинутой жены покажется женщине сладостью. В том же стихотворении героиня говорит о лучших временах, проведённых с супругом, прибегая к воспоминанию о совместном труде: *«Репу и редьку мы рвали вдвоём»* [1, 83]. В песне «В тутах» встречается сходный мотив сбора созревших растений: *«Вот иду собирать я павилуку траву...», «Время сбора пшеницы, ухожу я за ней...», «Репу рвать выхожу я, репа нынче крупна...»* [1, 85]. Большинство этих растений не только часто используются в китайской кухне, но также указывают на характер сельскохозяйственных забот сельских жителей древнего Китая. Мотив сбора трав часто перекликается с мотивом ожидания возлюбленного. Например, в песне «Уйду ли, мой милый, на сбор конопли...» героиня рассказывает, что любой день, когда она собирает коноплю, душистые травы или лесной черныбыльник, кажется ей как «три времени года». Издревле ежедневный труд был основой жизни китайского народа, поэтому большинство стихотворений первой части «Ши цзин» представляют собой трудовые песни, в которых описание сельскохозяйственных занятий сопровождается глубокими лирическими переживаниями героев.

Названия богатой флоры Китая – наиболее часто встречаемые природные образы в поэзии. В «Книге песен» тонкий лиризм большинства стихотворений создан поэтическим сравнением с лотосом и ирисом; упоминаются как традиционные для славян крапива, тысячелистник, камыш, ятрышник, полынь, сосна и ива, вяз, слива, каштан, груша, так и экзотические растения – сандал и тут, бамбук, ильм, сумах, жужуба. Так, картину запустения неизвестный поэт передаёт с помощью следующего образа: *«Дикой тыквы плоды налились и кругом / Обвисают по кровле теперь, / И мокрицы проникли в оставленный дом, / Паутиною заткана дверь»* (песня «Возвращение из похода») [1, 119].

Животный мир в стихотворениях «Книги песен» представлен в меньшей степени, чем растительный, чаще использованы образы насекомых (цикада, кузнечик, муха и т.д.). Из крупных животных упоминаются знакомые европейцам вепрь, конь, телёнок, волк, лось, олень. Значительно реже в анализируемых текстах встречаются образы обитателей водоёмов. Так, только в стихотворении «Пал летом белый иней...» использовано иносказательное выражение о государстве, в котором никто не может быть уверен в своей безопасности: *«Так рыбы, брошенные в пруд, не могут радоваться тут! / Они всегда видны в воде, пусть хоть на дно они уйдут»* [1, 130].

Как известно, песенный жанр обладает максимальной музыкальностью, поэтому закономерно упоминание в ряде стихотворений музыкальных инструментов – лютни, цитры (струнный щипковый инструмент), барабана, свирели, флейты, кимвалы (ударный инструмент в виде двух медных тарелок или чаш), арфы.

Заключение. «Книгу песен» по праву можно назвать душой китайского народа. Стихотворения этого сборника отличает высокая художественная культура, многогранный мир сложных поэтических чувств, тонких эмоций. Часто используемый приём в стихотворениях «Ши цзин» – повтор с небольшой смысловой вариацией. Отличает китайскую лирику показ лирического героя как части мира природного, настроение, душевное переживание человека невыразимы вне окружающей реальности. Природный мир не просто дополняет или оттеняет эмоциональный спектр, напротив, природные образы (флора, фауна, окружающая природа и её явления) становятся важным элементом смысловой нагрузки стихотворения.

1. Антология китайской поэзии : в 4-х т. / перевод с кит. под общ. ред. Гомо-Жо и Н.Т.Федоренко. – Т.1. – М.: ГИХЛ, 1957. – 417 с.